

Благодер Ю. Г. Записки князя К. А. Вяземского о путешествии по Китаю в 1894—1895 годах как исторический источник (по страницам журнала «Русское обозрение») / Ю. Г. Благодер // Научный диалог. — 2019. — № 3. — С. 231—245. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-231-245.

Blagoder, Yu. G. (2019). Prince K. A. Vyazemsky's Notes about Trip to China in 1894—1895 as Historical Source (Through Pages of “Russkoye Obozrenie” Magazine). *Nauchnyi dialog*, 3: 231-245. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-231-245. (In Russ.).

УДК 94(47).083:94(510).08+910.4(470:510)“1894/1895”+82-992

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-231-245

Записки князя К. А. Вяземского о путешествии по Китаю в 1894—1895 годах как исторический источник (по страницам журнала «Русское обозрение»)

© Благодер Юлия Гариевна (2019), orcid.org/0000-0001-5257-1188, кандидат исторических наук, доцент, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Россия), blagoder_1@mail.ru.

В статье приводятся фрагменты путевых заметок князя К. А. Вяземского, составленных во время его путешествия по восточным государствам и опубликованных на страницах журнала «Русское обозрение», который издавался в Москве в конце XIX века. Отмечается, что в XIX веке печатные периодические издания были единственным источником информации об азиатских государствах, доступным широким слоям общества, проживающим в различных регионах Российской империи. Анализ публикаций о Китае позволяет судить не только о том, как воспринимал китайскую культуру русский путешественник, но и о том, какая информация с помощью периодической печати транслировалась в российское общество. Автор статьи характеризует те стороны жизни населения империи Цин, которые привлекли наибольшее внимание российского путешественника. Предметом исследования становится образ Китая, созданный К. А. Вяземским. Основное внимание уделяется анализу статей, в которых представлены описания китайской духовной и материальной культуры. Актуальность проблематики обусловлена тем, что для исторической науки имеет большое значение привлечение внимания широкой общественности к характеристике бытового уклада представителей различных слоев общества Китая (высокопоставленного чиновника, преуспевающего торговца, хозяина постоянного двора, крестьянина, слуги), правил этикета, особенностей национального характера. Автор оценивает степень информативности путевых заметок К. А. Вяземского. На конкретных примерах иллюстрирует европоцентристские взгляды русского аристократа, которые оказали влияние на оценку того, что ему удалось увидеть в Китае.

Ключевые слова: Российская империя; империя Цин; китайские традиции; российская периодическая печать; журнал «Русское обозрение».

1. Введение

Среди немногих россиян, имевших возможность посетить Китай в первой половине XIX века, были военные, служившие в приграничных территориях, сотрудники дипломатических миссий, торговцы, а также священнослужители, студенты и иные члены Духовной миссии в Пекине.

Во второй половине столетия ситуация меняется. Китай превращается в один из центров коммерческого, политического и научного интереса передовых держав. После подписания российско-китайских договоров расширяется торговое сотрудничество, приступают к работе сотрудники новых консульств. Благодаря строительству железных дорог, расширению деятельности иностранных пароходных компаний в Китае у россиян появляется больше возможностей увидеть эту восточную страну. Военное министерство, научные общественно-просветительские организации, к примеру, Русское географическое общество, снаряжают специальные экспедиции, в состав которых входят военные, географы, врачи, художники. В Китай отправляются небольшие группы ученых для проведения археологических, этнографических изысканий.

В периодической печати появляется все больше информации об азиатских странах, привлекающей внимание искателей приключений. Анализ статей о Китае, опубликованных во второй половине XIX века, позволяет представить, какой объем знаний был накоплен исследователями и транслировался российским читателям.

Одним из изданий, публиковавших статьи о Китае, был московский журнал «Русское обозрение». Анализ его статей не только помогает представить образ Китая, созданный путешественниками в конце XIX века, но и является основой исследования малоизвестной и достаточно занимательной биографии Константина Александровича Вяземского.

2. Биографические сведения о К. А. Вяземском

Знатное происхождение К. А. Вяземского, княжеский титул, блестящее образование, полученное в петербургском Пажеском корпусе, подразумевали блестящую военную карьеру и роскошную светскую жизнь. Как в элитарных, так и в научных кругах его деяния не получали одобрения. Его считали авантюристом, склонным к решительным, но странным поступкам. Сложно понять причины, побудившие молодого князя продать родовое имение, которым его предки владели с 1815 года, и отправиться

в длительное наполненное опасностями странствие по землям африканского и азиатского континентов. Сам он объяснял причину своих предпочтений следующим образом: «Я задумал свои экскурсии вовсе не для того, чтобы удивлять почтеннейшую публику, а просто потому, что цель своей жизни полагаю в путешествиях. У всякого свой вкус: кто гонится за чинами, кто стремится к наживе, а кто, вот как я, изучает земной шар в его разных частях со всеми особенностями» [Вяземский, 1894, № 9, с. 317].

Многочисленные посещения европейских государств уже не вызывали былого интереса. Взоры искателя приключений были прикованы к малоизвестным территориям, которые для большинства обывателей представлялись «краем света».

Молодой путешественник пытался использовать для своих нужд велосипед, но был вынужден отказаться от этой идеи, так как проложить маршрут только по ровной и твёрдой почве не представлялось возможным. Морской транспорт был им также отвергнут, поскольку изучать только портовые города не интересно, так как «тут встречаешь не истинную жизнь народов, а извращенную наносную цивилизацию» [Вяземский, 1894, № 9, с. 317]. Длительное путешествие по морю пробуждало у аристократа сильную скуку. В результате маршруты всех экспедиций были проложены по суше и рекам.

Наиболее счастливой князь называет поездку 1881 года в Марокко, которую он совершил со своей молодой супругой. Далее путь пролегал по землям Алжира, Туниса. Константинополь становится отправной точкой нового путешествия. Верхом были преодолены пространства Сирии, Палестины, Синайской пустыни, Египта. «Поднимался в Судан, и обратный путь держал опять через Сирию, Месопотамию, Курдистан и Армению на Кавказ», — пишет исследователь [Вяземский, 1894, № 9, с. 318].

Поскольку у аристократа-путешественника не складывались отношения с членами Русского географического общества, о результатах экспедиций он сообщал представителям Французского географического общества и публиковал заметки в одной из самых популярных парижских газет «Фигаро».

Идея проехать около 43 000 верст в Сиама через Китай была названа авантюрной и отвергнута Русским географическим обществом. Соотечественники-географы отказали в помощи. В 1891 году в сопровождении одного слуги на собранные собственными силами средства князь отправился из Москвы в Сибирь, которую пересек «на тройке в почтовой бричке» [Вяземский, 1894, № 9, с. 323]. Далее верхом по древней дороге Чингисхана была преодолена пустыня Гоби, и, наконец, состоялось первое знакомство

с Цинской империей. Забегая вперед, отметим, что после того, как был пересечен «весь Китай сверху донизу» [Вяземский, 1894, № 9, с. 323], исследователь «проник в Тонкин в марте 1892 года <...> проехал весь Анам и из Гюэ пробрался к Меконгу через еще неизведанные страны Моев и Путаев» [Вяземский, 1894, № 9, с. 324]. Длительное путешествие продолжалось по территории Камбоджи, Сиама. От Бангкока он «подымается к северу вдоль реки Менама на слонах, проезжает всю Бирманию, сперва с востока на запад, потом с юга на север; в Рангуне оставляет слонов <...> подымается вдоль Иравади, достигает Мандалая и затем движется вдоль Чиндуина; затем, пересекая Манипур и Ассам, достигает Бенгалии» [Вяземский, 1894, № 9, с. 324]. После трехмесячного пребывания в Индии К. А. Вяземский, преодолев Кашмир и Гималаи, вступил на землю таинственного Тибета. До сих пор не найдены подробные описания этой части экспедиции. Как отмечали современники, К. А. Вяземский изредка упоминал о буддийских монахах, некоторыми знаниями и навыками которых ему удалось овладеть, к примеру, длительное время претерпевать холод и обходиться без пищи и воды.

За два с половиной года путешествия на Восток произошло много событий, в том числе драматических. Как писал путешественник, «...был ранен в плечо и руку пулей и штыком, ограблен по дороге и побывал в плену у китайских разбойников» [Журавлев]. Мятежный князь скромно оценивал результаты своих экспедиций. Он считал, что в науке должно иметь значение качество проведенного исследования, а не количество собранного материала. Из-за того, что большая часть коллекции восточных предметов была похищена, князь считал, что его поездка для науки большой пользы не принесла.

Окончилось длительное азиатское путешествие верхом. В тридцатый раз князь К. А. Вяземский посещает любимый Париж, где привлекает внимание местных журналистов. На вопрос, что толкает к совершению столь рискованных экспедиций, экстравагантный путешественник отвечал: «Простая страсть. Меня в жизни всегда и больше всего интересовали путешествия. Я хотел узнать тот земной шар, на котором нам суждено обитать. Еще в молодости, читая описания путешествий, я желал лично ознакомиться со всем вычитанным» [Журавлев].

Успех экспедиции К. А. Вяземского не был по достоинству оценен членами Русского географического общества, которые отказались содействовать публикации его путевых заметок и картографических трудов. Это было сделано французскими учеными, которые избрали путешественника почетным членом Французского географического общества. В Париже

князя благосклонно принимали и в научных кабинетах, и в светских салонах. Доклады во Французском географическом обществе о быте китайцев, истории употребления чая, картографических изысканиях, результатах метеорологических наблюдений вызвали одобрение европейской публики. Шумный успех не мог быть проигнорирован соотечественниками. Русское географическое общество принимает запоздалое решение признать «эксцентрические экскурсии» исследованиями. К. А. Вяземский становится действительным членом этого просветительского объединения. Лишь благодаря заметкам, опубликованным на страницах журнала «Русское обозрение», российская общественность узнала о том, какой увидел жизнь народов далеких стран, неизвестных обывателям, русский путешественник, и смогла оценить исследовательский и литературный талант автора.

Новый проект пересечения Африки с севера на юг не был реализован из-за недостатка средств. Решение К. А. Вяземского в 1896 году уйти в Новоафонский монастырь вызвало много пересудов в элитарных кругах. Злые языки распускали слухи о том, что разорившийся князь скрывается от многочисленных кредиторов. Хранитель собраний древних рукописей иеромонах Киприан аскетичным образом жизни, смиренной молитвой, глубокими энциклопедическими познаниями, составлением духовных произведений снискал авторитет в монастыре и за его пределами. Остается неизвестным, что заставило его променять риск путешествий в экзотические страны на размеренную жизнь в обители. В научных кругах императорской России высказывалось предположение, что духовное преобразование неутомимого путешественника — отголосок таинственного тибетского приключения. Князь К. А. Вяземский ушел из жизни в 1909 году. У родных не осталось ни портрета, ни фотографии Константина Александровича. В усыпальнице монастыря до сего дня покоится череп неординарного путешественника и смиренного монаха [Журавлев].

2. Первые впечатления о Китае

Периодические издания XIX века преследовали не только просветительские, но и коммерческие цели. Ориентируясь, в определенной степени, на вкусы читателей, они размещали на своих страницах очерки о разнообразных аспектах этнической культуры. Журнал «Русское обозрение» не был исключением, поэтому принял к публикации заметки К. А. Вяземского, в которых нашли отражение примеры духовной и материальной культуры жителей Китая.

«И вот он, наконец, перед нами, этот незыблемый Китай», — восклицает путешественник, приближаясь к границе. Любопытны его первые впечатле-

ния. Автор заметок сожалеет о том, что не обладает талантом И. С. Тургенева, чтобы описать «оригинальные прелести» этой страны, «изящные и своеобразные таланты [ее] сынов» [Вяземский, 1895, № 2, с. 724].

Об истории Китая исследователь пишет мало, но отмечает, что Китай уже был могущественной державой, когда европейских государств еще не было. Изредка появляются небольшие исторические отступления, содержащие факты, важные, по мнению путешественника: несколько фраз о былом величии отдельных городов, древней столице Китайского государства, восстании тайпинов, убийстве христианских миссионеров. Несмотря на то, что в заметках исследователя история Китая не получает масштабного освещения, оценка, в том числе и критика, трудов о Китае присутствует, что позволяет судить об осведомленности автора.

Рассказ, как и у многих посетивших Среднее царство до и после него, начинается с Кяхты — «плохенького русского уездного городишки» [Вяземский, 1894, № 10, с. 789] и «прелестного и курьезного Маймайчина» [Вяземский, 1895, № 2, с. 725]. Весьма посредственную жизнь местных торговцев путешественник, еще не потерявший остроты восприятия, описывает без свойственных ему иронии и сарказма. На фоне однотипных одноэтажных глиняных домов ему сразу бросились в глаза крыши с углами, загнутыми вверх. Ворота, ведущие во дворы, декорированы изящной и аккуратно выполненной резьбой, рисунками, выполненными красками ярких цветов. Любой иноземец, безусловно, заинтересуется многообразием изображений: драконы, цветы, орнаменты. «Китаец никогда не срисовывает с природы, а всегда берет сюжеты из своей головы» [Вяземский, 1895, № 2, с. 724]. Россиянин делает вывод, что портретная живопись здесь отсутствует. Художник пишет по памяти, поэтому «нарисованный мандарин похож на любого другого мандарина» [Вяземский, 1895, № 2, с. 725]. Особое внимание уделяется символам, определяющим статус человека.

Жилище мандарина произвело приятное впечатление: чистенький дом, множество плотно запертых украшенных резьбой и росписью ворот. «Когда мы подошли, — отмечает К. А. Вяземский, — ворота как бы по щучьему велению отворялись, пропускали нас, потом опять затворялись» [Вяземский, 1895, № 2, с. 742]. Переводчики проходили через другие ворота, предназначенные для менее важных посетителей. Пройдя через серию подобных ворот и следующих за ними двориков, гости оказались около низенького домика с фронтоном, который был украшен цветными изображениями длиннородых старцев, птиц, драконов, летучих мышей. Декорирование строго соответствует требованиям, так как чиновник не имеет права украшать свой дом более, чем позволяет его статус.

По наблюдениям путешественника, местные жители очень любят зеленые насаждения. Их города окружены рощами и садами, искусственными озерами. Тень деревьев позволяет укрыться от палящего солнца. Здесь особое отношение к цветам. Даже около домов бедняков были высажены астры с лепестками разнообразных оттенков, розовые и пунцовые гребешки, а также красивые, но не источающие нежный аромат розы [Вяземский, 1895, № 11, с. 231].

Каждый путешественник уделял большое внимание описанию своего дорожного быта. Князь Вяземский продолжил эту негласную традицию. Он наблюдал за жизнью местного населения и отмечал преимущества и недостатки передвижения на верблюдах и мулах. Столь любимую китайцами кибитку русский путешественник называл «чемоданом на колесах» [Вяземский, 1895, № 2, с. 730], «глупым экипажем, который производит тошноту» [Вяземский, 1895, № 2, с. 728].

Однажды ему встретился кортеж высокопоставленного чиновника. Несколько десятков солдат со знаменами ехали верхом. В носилках следовал чиновник и его жены. Завершали процессию слуги, которые везли багаж в тачках или несли его на плечах. Каких только вещей здесь не было. Как позже узнал путешественник, когда столь важная особа останавливалась на постоялом дворе, комнаты заполнялись мебелью и утварью, привезенной из дома [Вяземский, 1895, № 11, с. 231].

Путешественнику и его спутникам приходилось довольствоваться весьма скромными бытовыми условиями. Приходилось ночевать «в прескверном сарае, загроможденном всякою рухлядью» [Вяземский, 1895, № 11, с. 232], мерзнуть на постоялых дворах, спать на полу. Не удивительно, что русский аристократ впоследствии с таким восторгом отзывался о счастливой возможности отдыхать на кровати [Вяземский, 1895, № 11, с. 235].

К. А. Вяземским — любитель ездить верхом, но часть пути он все-таки преодолел с помощью речного транспорта. На пароходе в Китае европейцам предоставлялись комфортные условия проживания и питания. Местных жителей «напихивают, куда попало» без учета их статуса и у пристани «вышвыривают из парохода вместе с их багажом» [Вяземский, 1895, № 11, с. 250]. Для того, чтобы избежать столь унижительной ситуации, знатные сановники предпочитали нанимать целый пароход.

Благодаря литературному таланту, путешественник очень красочно описывает города, небольшие поселения и их достопримечательности. Китайские храмы, где «все чрезвычайно мило и оригинально» [Вяземский, 1895, № 2, с. 730], заинтересовали русского искателя приключений и как культовые сооружения, и как центры театрального искусства. Костюмированное

представление было запоминающимся, а посещение культового сооружения не произвело яркого впечатления. Внутри царил полумрак, в котором были едва различимы скульптуры «по большей части великанов, с китайскими физиономиями» [Вяземский, 1895, № 2, с. 729] и столы, на которых в дар богам приносили продукты и воду. Причину появления в храмах изображений драконов автор заметок объяснить не мог, но высказал предположение, что местные жители их тоже считают божествами. Увиденное в храме пробудило в памяти К. А. Вяземского пламенные речи российских радикалов, ратовавших за модернизацию православного церковного богослужения [Беликова, 2013]. Неужели и в России будут устраивать театрализованные представления на паперти церкви, поклоняться идолам.

3. Местные традиции и национальный характер жителей Цинской империи

Перемещаться иностранцу в империи Цин можно только при наличии специальных документов, поэтому приходилось много общаться с военными и чиновниками различных ведомств. К. А. Вяземский не раз наблюдал, как из провинции губернаторам отправляли обозы с подарками. «Взяточничество, — делает вывод он, — так развито у китайцев, что оно совершается почти открыто» [Вяземский, 1895, № 2, с. 733]. Объясняет он это тем, что чиновникам платили небольшое жалованье.

В империи Цин господствовала строгая иерархия, «рабское поклонение низшего высшему и почти безусловный произвол начальствующего над подчиненными» [Вяземский, 1895, № 2, с. 734]. Русский князь был защитником европейской системы государственного правления, поэтому предполагал, что подобная система бесправия приведет к распаду империи. Одновременно он защищал существующий принцип социального неравенства, так как, по его мнению, общество не может существовать без сословий: «Это все равно, как дом без этажей, состоящий из одного фундамента (народа) и крыши (монарха)» [Вяземский, 1895, № 2, с. 734]. Как представитель родовой аристократии, он выступает в поддержку ее права на господство.

Заметки о Китае К. А. Вяземского противоречивы. В них одобрение поведения китайцев, их образа жизни сменяется резкой критикой. В начале путешествия он отмечает, что «... мне не случилось встретить нации добродушнее, любезнее, гостеприимнее и честнее» [Вяземский, 1895, № 2, с. 731], «на них, на бедных, страшно клеветают» [Вяземский, 1895, № 2, с. 723]. Культура, непохожая на русскую и европейскую, восхищала: «Бросалось в глаза тяготение к изящному абсолютно во всем: даже самый

мелкий торговец разукрашивал свою лавку и рисунками, и резьбой с таким вкусом, какого не увидишь и у наших миллионеров. Все китайцы — художники и артисты в душе» [Вяземский, 1895, № 2, с. 72].

Спустя некоторое время, он пишет в дневнике о том, что в «чуждом сердце Китая» [Вяземский, 1895, № 11, с. 229] доброе мнение о китайцах сменилось разочарованием. Повествование российского аристократа изобилует отрицательными характеристиками: государственный строй «мерзейший», чиновники без зазрения совести грабят народ, слабый всегда угнетается сильным, суды подкупные и безжалостные [Вяземский, 1895, № 2, с. 733]. Китайцы назывались дикими, трусливыми, корыстными, необузданными и назойливыми, впрочем, такие же характеристики из уст аристократа получали и его соотечественники. Подчеркивался отталкивающий вид грязных деревушек и городов, постоянные дворы именовались не иначе, как «прескверными сараями» [Вяземский, 1895, № 2, с. 728]. Впрочем, свалки нечистот, действительно, делали внешний вид городов с рядами лавок, узенькими улицами, двориками, кумирнями непривлекательными.

Тесное соприкосновение с различными сторонами местной традиции внесло коррективы в помпезные характеристики, данные ранее. Иллюстрируют сказанное отдельные фразы, например: «население всегда очень враждебно и назойливо относится ко мне», «удивительная распущенность здесь между солдатами: по случаю жары некоторые сняли свое платье и шли почти нагие; при этом иные бежали вприпрыжку и выкидывали разные эквилибристические фокусы» [Вяземский, 1895, № 11, с. 226], «китайцы тут, как звери, готовы вас и избить, и оплевать без всякой видимой причины» [Вяземский, 1895, № 11, с. 238], на постоялом дворе в одном селении «утром какой-то молодой парень зачем-то всех нас спящих окатил кипятком» [Вяземский, 1895, № 11, с. 243].

Однажды, остановившись на ночлег в деревушке за тридцать пять верст до Пекина, К. А. Вяземский познакомился с хозяином постоялого двора, который вышел навстречу гостям и весело сказал, пожимая руки: «Здравствуй». Это был довольно полный, но не старый человек с добродушной наружностью. «Я думал, — пишет путешественник, — он владеет русским языком, и обратился к нему с расспросами о местности, но, оказалось, он знал только одно слово и на все мои вопросы только снисходительно улыбался» [Вяземский, 1895, № 7, с. 289]. Проведя гостей внутрь своего дома, усадил всех и принялся хлопотать: после закуски принесли обед, во время которого «наш добрейший китаец не переставал болтать и улыбаться, ни мало не затрудняясь, что мы вовсе

ничего не понимаем. Улыбался он как-то покровительственно, точно хотел сказать, что, хотя, мол, вы очень глупы и ничтожны, но не бойтесь меня совсем, я добрый и готов вам простить, что вы не китайцы» [Вяземский, 1895, № 7, с. 289]. Вечер, проведенный в столь своеобразной обстановке, был достаточно забавным, но утром гостей ожидал неприятный сюрприз: предъявленный баснословный счет красноречиво свидетельствовал о том, что радушие хозяина оказалось не бескорыстным.

Литература о Китае XIX века была пресыщена упоминаниями о незыблемости древних традиций, частью которых являлись церемониальные действия. Власти восточных народов, — пишет Константин Александрович, — любят этикетки, нам же русским они вообще очень скучны» [Вяземский, 1895, № 2, с. 740]. Путешествуя по восточной стране, иностранцы вынуждены соблюдать местные обычаи. Поскольку русский путешественник был лицом неофициальным, то ему следовало соблюдать правила этикета, предусмотренные для частных визитов. В империи Цин маньчжурские сановники занимали высокое положение в обществе. Попасть в столице или ином крупном городе на прием к губернатору, столь высокопоставленному лицу, простой путешественник не мог, но в приграничных землях, к примеру, монгольских, это удалось. Там маньчжурский губернатор встречал чужестранцев у входных дверей одного из павильонов своего поместья с улыбкой и «манил к себе, держа руки сжатыми в кулак близ своего лица» [Вяземский, 1895, № 2, с. 743], что являлось демонстрацией радости видеть посетителя. Россиянин, по рекомендации консула, протянул руку для рукопожатия, хотя в Китае это не принято. Чиновники приграничных земель часто общаются с подданными Российской империи, поэтому жмут иностранцам руку, сладко улыбаясь. Однако К. А. Вяземскому показалось, что «улыбка его выражала не одно радушие, но и некоторую насмешку над европейским платьем» [Вяземский, 1895, № 2, с. 743]. Около двух минут длилось приветствие, после чего гости были приглашены в дом. Прежде, чем все-таки удалось войти в комнату, некоторое время продолжалась «сцена Чичикова с Маниловым» [Вяземский, 1895, № 2, с. 744]: хозяин и гость пропускали вперед друг друга. Как сказал консул, это обязательный ритуал оказания взаимного уважения. Наконец, русский путешественник оказался в доме губернатора. Гости по указанию хозяина заняли места около стола. К. А. Вяземский угощением был крайне недоволен: чай имел неприятный запах, а сушеные фрукты попробовать не удалось, так как хозяин предложение не сделал, а самим накладывать было неприлично [Вяземский, 1895, № 2, с. 744]. Разговор был недолгим, занял около десяти минут. Губернатора интересовали цель и маршрут нашего путешествия,

наш возраст. Он был крайне удивлен тем, что, не достигнув сорока лет, мы уже носим бороды. В Китае, пояснил хозяин, до пятидесяти лет брить лицо необходимо. Завершился визит прощанием у нашего экипажа.

К. А. Вяземский, присутствуя на обеде у цинских чиновников, старался соблюдать все правила местного этикета, но неловкие моменты все-таки были. Так, обедая у знатного сановника в Цзюцзяне, русский путешественник поспешил и, отломив кусочек хлеба, поднес его ко рту. Обратив внимание на возникшую рядом суету, он понял свой промах и опустил руку на стол. Китайский этикет не позволяет прикасаться к пище прежде хозяина. В снисходительной улыбке хозяина и его глазах можно было прочесть: «Чего ожидать от дикаря, откуда ему знать правила учтивости?» [Вяземский, 1895, № 11, с. 248].

Читатели XIX века, интересующиеся Китаем, неоднократно встречали на страницах книг и журналов упоминание о суеверии китайцев. К. А. Вяземский описывает курьезный случай в качестве подтверждения. В одной деревушке он увидел камфарное дерево. Из любопытства стал измерять его невероятных размеров ствол. Собравшаяся вокруг толпа, опасаясь, что чужеземец колдует, начала бросать в него камнями. Пришлось спешно прекратить эксперимент и спастись бегством [Вяземский, 1895, № 11, с. 230].

В XIX веке среди китаеведов не было единодушия в вопросе: можно ли считать китайцев, по меркам европейского человека, образованными. Сначала К. А. Вяземский писал, что разноцветные надписи (в большинстве случаев изречения древних философов), выполненные на всех дверях, свидетельствуют о грамотности хозяев. Кроме того, русский путешественник отмечал, что местные купцы практически все грамотные. Со временем его мнение о китайцах изменилось. Позже он будет писать, что общеизвестные вопросы вызывают удивление как у простолюдинов, так и у высокопоставленных чиновников, естественным наукам здесь не обучают. Содержание образования ограничено изучением истории своего государства, мифологии и «мудрой и неудобной» грамоты, для постижения которой необходимо лет десять. «От этого ученья умнее не становятся», — делает вывод путешественник [Вяземский, 1895, № 2, с. 733].

Представляет интерес описанная К. А. Вяземским встреча в Маймайчэне с китайским торговцем, изучавшим русский язык. Между ними завязался разговор о творчестве Л. Н. Толстого. По словам китайца, многие его соотечественники изучают русский язык специально для чтения произведений «великого философа Ясной Поляны» [Вяземский, 1895, № 2, с. 727] и «отдают справедливость глубокому уму и житейской мудрости писателя, но не соглашаются с ним в религиозных убеждениях»

[Вяземский, 1895, № 2, с. 729]. Китаец проявлял интерес к тому, как относятся к творчеству этого писателя в России. Русский князь отметил, что есть и почитатели, и критики его произведений. Китаец не выказал удивления, так как, по его мнению, выдающиеся люди редко получают признание при жизни. «Вот и у нас Конфуция при жизни многие считали даже сумасшедшим, а теперь, спустя тысячелетие, ему поклоняются, как Богу» [Вяземский, 1895, № 2, с. 728].

К. А. Вяземский поинтересовался мнением китайцев по поводу того, что является источником столь длительного существования их державы. Ответ был очень прост: «в каждом городе и доме есть изображение дракона, предохраняющего от гибели» [Вяземский, 1895, № 2, с. 735], поэтому их страна будет процветать вечно. Русский князь думал иначе: «Китайцев объединяет общность предрассудков, а это уж сила <...> когда все 400 миллионов думают и верят одинаково, это чего-нибудь да стоит. Они всегда друг друга отыщут и сплотятся в один народ» [Вяземский, 1895, № 2, с. 735]. Впрочем, перспективы плачевны. Китай не сможет дать отпор мощному оружию европейцев. «Древняя, первобытная цивилизация оказывается не в силах бороться против новой европейской <...> самодовольные, простодушные китайцы будут числиться французскими или английскими подданными, а жаль, потому что они такие милые, такие своеобразные, эти китайцы» [Вяземский, 1895, № 2, с. 735].

4. Заключение

К. А. Вяземский в начале своего повествования предупреждает читателя о том, что опишет Китай «не таким, каким он есть, а таким, каким он представился» [Вяземский, 1895, № 2, с. 736.]. Как показывает анализ текста путевых заметок, их автор, действительно, не делает ссылок на труды и высказывания других исследователей, не углубляется в суть событий и явлений. Он представляет собственный взгляд на все, что ему довелось увидеть в пути. Путешествие в чужую страну позволило этому человеку окунуться в мир неизвестных ему, но существующих в Китае уже не одно столетие традиций и правил поведения, соприкоснуться с непривычными формами организации жизни общества.

Путевые заметки князя К. А. Вяземского можно считать историческим источником.

Во-первых, они информативны и формируют достаточно полное представление о быте жителей империи Цин конца XIX века. К. А. Вяземский оказался очень наблюдательным исследователем. Он подробно описывал события, произошедшие во время путешествия. Заметки изобилуют де-

тальным описанием убранства домов, бытовых предметов, блюд местной кухни, в том числе приготовленных из неизвестных россиянам продуктов. С равным интересом он осматривал усадьбы состоятельных чиновников, дома бедных китайцев и постоянные дворы, кумирни, гробницы и проч. и подробно записывал свои впечатления. Наиболее рельефно представлены встречи с местными жителями: китайцами и маньчжурами, высокопоставленными чиновниками и простолюдинами, богатыми и бедными, образованными и неграмотными, дружелюбными и враждебно настроенными.

Во-вторых, автор корректирует сведения, полученные исследователями ранее. Записки содержат критические замечания в адрес участников экспедиции Ю. А. Сосновского в Китай — врача и художника П. Я. Пясецкого и картографа, полковника З. Л. Матусовского — о типичных для региона природных характеристиках Китая, выдающемся государственном строе, всеобщем образовании населения.

В-третьих, записки иллюстрируют европоцентристский поход к восприятию, отражению и оценке иностранцами азиатской культуры. К. А. Вяземский принадлежал к русской аристократии, получил европейское образование, долгое время жил в Европе. Не удивительно, что, несмотря на восторг, порожденный экзотикой восточной страны, он не считал представителей восточных народов равными себе, допускал оскорбительные выражения в их адрес, которые впоследствии без корректировки были опубликованы на страницах периодического издания. Самоуверенность русского путешественника заявляет о себе на тех страницах путевых заметок, где он рассуждает о вопросах, ему неизвестных, к примеру, о принципах функционирования местной политической системы, иероглифическом письме, качестве и свойствах китайского чая и проч. Впрочем, следует отметить, что в отдельных случаях автор заметок признается в том, что не имеет точной информации по конкретному вопросу.

В-четвертых, записки К. А. Вяземского были опубликованы в журнале «Русское обозрение», поэтому их анализ позволяет реконструировать представления об этой стране российской читающей публики конца XIX века.

Таким образом, «Путешествие вокруг Азии верхом» К. А. Вяземского может стать существенным источником как для истории повседневности империи Цинь конца XIX века, так и истории российского востоковедения: изучения и распространения информации о жизни азиатских народов.

Источники и принятые сокращения

1. *Вяземский К.* Путешествие вокруг Азии верхом / К. Вяземский // Русское обозрение. — 1894. — № 9. — С. 317—353.

2. *Вяземский К.* Путешествие вокруг Азии верхом / К. Вяземский // Русское обозрение. — 1894. — № 10. — С. 773—791.

3. *Вяземский К.* Путешествие вокруг Азии верхом / К. Вяземский // Русское обозрение. — 1895. — № 2. — С. 723—748.

4. *Вяземский К.* Путешествие вокруг Азии верхом / К. Вяземский // Русское обозрение. — 1895. — № 7. — С. 272—302.

5. *Вяземский К.* Путешествие вокруг Азии верхом / К. Вяземский // Русское обозрение. — 1895. — № 11. — С. 226—253.

Литература

1. *Беликова Н. Ю.* Влияние модернизационных процессов на религиозную жизнь общества в начале XX века (на материалах юга России) / Н. Ю. Беликова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. — 2013. — № 2 (174). — С. 36—41.

2. *Журавлёв В.* Его превосходительство бродяга [Электронный ресурс] / В. Журавлёв. — Режим доступа : <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1342/>.

Prince K. A. Vyazemsky's Notes about Trip to China in 1894—1895 as Historical Source (Through Pages of “Russkoye Obozrenie” Magazine)

© **Blagoder Yuliya Garievna (2019)**, orcid.org/0000-0001-5257-1188, PhD in History, associate professor, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russia), blagoder_1@mail.ru.

The article presents fragments of travel notes of Prince K. A. Vyazemsky, compiled during his trip to the Eastern States and published in the journal “Russkoye obozrenie,” which was published in Moscow at the end of the 19th century. It is noted that in the 19th century printed periodicals were the only source of information about the Asian States available to the general public living in different regions of the Russian Empire. The analysis of publications about China allows to judge not only how the Russian traveler perceived the Chinese culture, but also what information was transmitted to the Russian society through the periodical press. The author characterizes those aspects of life of the population of the Qing Empire, which attracted the greatest attention of the Russian traveler. The subject of the study is the image of China created by K. A. Vyazemsky. The main attention is paid to the analysis of articles that describe Chinese spiritual and material culture. The relevance of the problem is due to the fact that for historical science it is important to attract the attention of the general public to the characteristics of the everyday life of representatives of different segments of China society (high-ranking official, successful trader, innkeeper, peasant, servant), the rules of etiquette, features of national character. The author evaluates the degree of information content of K. A. Vyazemsky's travel notes. Specific examples illustrate the Eurocentric views of the Russian aristocrat, which influenced the assessment of what he was able to see in China.

Key words: Russian Empire; Qing Empire; Chinese traditions; Russian periodical press; "Russkoye obozrenie" magazine.

Material resources

- Vyazemskiy, K. (1894). Puteshestviye vokrug Azii verkhom. *Russkoye obozreniye*, 9: 317—353. (In Russ.).
- Vyazemskiy, K. (1894). Puteshestviye vokrug Azii verkhom. *Russkoye obozreniye*, 10: 773—791. (In Russ.).
- Vyazemskiy, K. (1895). Puteshestviye vokrug Azii verkhom. *Russkoye obozreniye*, 2: 723—748. (In Russ.).
- Vyazemskiy, K. (1895). Puteshestviye vokrug Azii verkhom. *Russkoye obozreniye*, 7: 272—302. (In Russ.).
- Vyazemskiy, K. (1895). Puteshestviye vokrug Azii verkhom. *Russkoye obozreniye*, 11: 226—253. (In Russ.).

References

- Belikova, N. Yu. (2013). Vliyaniye modernizatsionnykh protsessov na religioznuyu zhizn' obshchestva v nachale XX veka (na materialakh yuga Rossii). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Seriya: Obshchestvennyye nauki*, 2 (174): 36—41. (In Russ.).
- Zhuravlev, V. *Yego prevoskhoditelstvo brodyaga*. Available at: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1342/>. (In Russ.).